

Вера Оттер

САВАНТ

Быть верным, быть милосердным, быть собой

18+

Вера Оттер

Савант

«Автор»

2026

Оттер В.

Савант / В. Оттер — «Автор», 2026

Земля-3 — это мир, где выживание становится главной целью, а чистое и непредвзятое мышление считается слабостью. Леонард, молодой человек с выдающейся памятью, добрым сердцем и диагнозом «отсталость в развитии», обладает уникальной способностью разбираться в психологии и помогает раскрывать сложные дела. Потерявшись во тьме и одиночестве, он все еще надеется найти путь к свету.

© Оттер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Савант

ПРОЛОГ

Быть верным, быть милосердным, быть собой

Леонарду было двенадцать, когда врачи из лечебницы Миддл-Таун, беспомощно разводя руками, оповестили мать, что ее единственный сын отсталый. Связано это с метаморфозами мозга, прогрессирующей заторможенностью сознания, отсутствием интереса к окружающим людям и миру, неспособностью заводить друзей. По законам Земли-3 мальчика мгновенно отнесли к неполноценным и записали на учет, разрушая шанс на нормальную жизнь.

Леонард помнил, что мама в момент вынесения вердикта даже не изменилась в лице. Просто сжала тонкие губы, старательно приподняв их уголки в неискренней улыбке. Мама показательно гордо подняла подбородок, и ее каштановые волосы волной рассыпались по острым плечам, открывая четко выделяющиеся ключицы.

– Мой сын не болен. Он особенный, – выговорила мама, не желая больше слушать ни одного слова из уст врача. Леонард помнил, как мать крепко ухватила его ладонь, цепляясь за слабую мальчишескую руку так, будто это последняя ниточка, соединяющая с реальностью. В тот день они пошли из лечебницы пешком, хоть путь предстоял неблизкий. По дороге зашли в первое попавшееся кафе. Мама купила Леонарду большой бокал лимонада, а сама принялась за обжигающе горячий кофе. Мальчик на все последующие годы четко запечатлел в памяти этот момент: красивая женщина чуть старше тридцать, склонившись над дымящейся чашкой и закрыв глаза, вдыхала манящий кофейный аромат. Много позже запах кофе ассоциировался у Леонарда именно с матерью, хоть в их небольшой квартире никогда и не было такого деликатеса. Все деньги уходили на плату за квартиру, дешевые продукты и лекарства. Тот бокал лимонада Леонард пил медленно, старательно пробуя на вкус сладость и остроту напитка. Из-за льда казалось, что напиток похож на заточенные ножи, беспощадно режущие полость рта. Но боли не было, как и воображаемых ран. В желудке появилось странное ощущение наполненности, хоть Леонард и не помнил, когда ел в последний раз. В голове звучали слова врача, но почему-то в те мгновения мальчик не думал, насколько это больно и сложно для матери. Тот момент – за бокалом газировки и витающим в воздухе ароматом кофе – стал началом длинного и непростого пути.

После посещения кафе они пошли домой. Там пахло сыростью, и все казалось серым и тусклым, даже в свете ярких ламп. Мать велела Леонарду идти в комнату и заняться чем-нибудь интересным. Она знала, что что-то интересное для сына – это книги. Самые разные и неподходящие для мальчика двенадцати лет. Леонард читал все: от брошюр до кулинарных рецептов, которые мать вырезала из бесплатных газет. Трепетно хранила, но никогда не пробовала готовить. И будь на то воля Леонарда, он бы потратил миллионы и миллиарды, лишь бы мать смогла купить необходимую кухонную утварь и продукты. Но денег не было, поэтому рецепты оставались аккуратно хранимыми в старой книге. Ту книгу Леонард, конечно, тоже прочитал.

Его увлекали буквы и то, как они красиво складывались в слова. То, как слова превращались в предложения, а предложения в целые абзацы. Леонарду нравилось искать мысль повествования, то, о чем хотел рассказать автор написанного. Казалось, за каждым предложением стоит отдельная история, неподвластная обычному читателю. И когда Леонарду удавалось найти потаенный смысл, ликованию мальчика не было предела.

Представлялось, что и жизнь можно разложить на абзацы, предложения, слова и буквы. Леонард видел это, но никогда не говорил. Не хватало еще дополнительных проблем! В обществе других людей, особенно сверстников, он чувствовал себя абсолютно лишним. Впрочем,

кажется, и общество это прекрасно осознавало. Поэтому у Леонарда не было друзей. И если мама переживала, то Леонард вообще не думал об этой проблеме. Наедине с собой он чувствовал себя хорошо: спокойно и гармонично. Стремиться к обществу, которое не хотело его принимать и оказывало столь неприятное воздействие, казалось полным безумием. И хоть врач вынес приговор, назвав Леонарда отсталым в развитии, безумным двенадцатилетний юноша себя не ощущал.

Тот день, помимо кофейного аромата и болезненно-острого вкуса лимонада, запомнился тем, что мать впервые за долгое время позволила Леонарду читать допоздна. На ночь мама зашла в комнату и оставила на прохладном лбу горячий поцелуй. Леонард замер, осознавая рвущиеся из матери эмоции, которые она старательно не показывала. От шквала чужих чувств мальчик ощутил разгорающуюся головную боль, берущую начало в области висков. Мать ушла в свою комнату, а Леонард так и остался сидеть в тусклом свете лампы, вглядываясь в ту же самую строчку, что и несколько минут назад. Его раздирало на части от эмоций матери. И острее всего ощущалось сожаление и невероятное чувство любви.

Прошло шесть долгих лет, прежде чем мать покинула Леонарда. Той ночью она возвращалась с рабочей смены, совершенно выбитая из колеи и мечтающая лишь о том, чтобы упасть в постель, полностью окунувшись в прекрасное состояние сна. Она спешила, думая, чем занимается ее уже совсем взрослый и особенный сын. В последнее время Леонарда начали интересовать темы психологии и психиатрии, и он целыми днями и ночами зарывался во всевозможные книги, совершенно исчезая из реальности на время чтения. Школа давно закончена, но колледж для Леонарда оказался под запретом. Никто не хотел принимать на обучение неполноценного, несмотря на выдающиеся успехи в учебе. Но, кажется, Леонарда это не расстроило. Он принялся самостоятельно изучать то, что интересно. Мать не волновалась, даже радовалась, что Леонард обладает удивительной способностью со страстью окунаться в различные области науки и искусства. Это завораживало, вызывая чувство гордости.

Она спешила, поэтому не заметила, что из-за поворота на огромной, значительно превышающей норму, скорости вылетела машина. Боль была мгновенной, а сознание – стремительно угасающим.

Когда Леонарду сообщили о произошедшем, он оцепенел. Буквы больше не складывались в слова, и слова не складывались в предложения. Где-то в районе сердца, появилась миниатюрная черная дыра, с неземной силой засасывающая всего Леонарда без остатка. Волны вполне ощутимой физической боли распространялись от сердца во все стороны, достигая кончиков пальцев. Его трясло, дыхание никак не могло прийти в норму. Человек в полицейской форме пытался быть добрым и понимающим, но Леонард думал, что никто во всем мире не смог бы его понять.

Единственный и родной свет, так равномерно и тепло освещающий его жизнь, погас. В то мгновение началась новая жизнь Леонарда Саванта – особенного человека, которого ожидал долгий и увлекательный путь из мрака в свет.

Глава 1

Идея отправиться вместе с Бенджамином на ужин не казалась ужасной Леонарду ровно до тех пор, пока он не увидел лицо Кристофера Райса. Тот работал вместе с Беном и всем видом показывал, насколько ему не нравится существование Леонарда – особенно в полицейском участке, в качестве консультанта. Это случалось, даже когда запутанные дела раскрывались благодаря Леонарду. Впрочем, сам Савант привык к подобному вниманию. Ему нет дела до чужого мнения, потому что в большинстве своем у всех оно одинаковое: неполноценным не место на Земле-3.

Земля-3 – третий эксперимент Последнего государства. Первые два Савант за двадцать три года жизни застать не успел, но знал, что были и Земля-1, и Земля-2.

Земля-1 потерпела крах из-за алчности людей и использования разрушительного оружия. Бесчисленные войны породили эпидемию неизлечимых болезней, которые почти уничтожили население планеты. Именно на закате эпохи появилось Последнее государство.

Земля-2 просуществовала чуть меньше, ведь ресурсы оказались растрочены на безнадежные случаи заболеваний и метаморфоз. Уже тогда проявилась тенденция к жестокости, основанная на тезисе, что те, кто болен, не должны мешать жизни здоровым. Последнее государство обзавелось костяком правителей, где власть передавалась доверенным лицам. Обычный человек не мог повлиять на исход событий.

Земля-3 не приемлет отклонений, а ресурсы и оружие сконцентрированы в руках власть имущих. На улицах распространена бедность, но люди не думают жаловаться. Свобода слова забыта, она воплощается в тихих разговорах по углам темных баров. На Земле-3 каждый выживает, как может, а тот, кто не справляется, как правило, умирает в нищете и одиночестве.

– Лен! Леонард! – в разум Леонарда прорвался требовательный голос Бенджамина. Парень тряхнул головой и сфокусировал взгляд на наставнике. Тот смотрел прямо, никогда не косясь, как многие знакомые или коллеги. Честность – вот что Леонард любил и ценил в Бене. Следовательно не приходило в голову лгать, он принимал Саванта любым. И сейчас темные глаза Бенджамина внимательно всматривались в лицо молодого подопечного, словно пытаясь понять, что же за мысли бродят в его голове. – Ты опять это делаешь. Выпадаешь из реальности. Мне жутко интересно, о чем ты думаешь в такие моменты. Вид, будто разгадываешь тайны вселенной.

– Кое-что вспомнил, никаких тайн и загадок, – спокойно, с еле заметной улыбкой, ответил Леонард, ощущая цепкий взгляд Кристофера. Тот смотрел так, будто взглядом пытался прожечь в Саванте дыру. – Ты не говорил, что Райс будет на ужине.

Бенджамин невесело рассмеялся и покачал головой. Положив руку на плечо Леонарда, он буквально потащил того к столику, где уже сидел Кристофер Райс в компании серебристой незнакомки.

– Ваша вражда выглядит смешно, а мне в последнее время редко удается посмеяться. Не могу упустить шанс. Тем более, если бы не ужин, ты бы провел вечер за чтением странноватых книг, совсем позабыв о еде, – произнес Бен, когда они оказались перед столом. Кристофер, а за ним и незнакомка, поднялись с мест, чтобы поприветствовать. Обменявшись рукопожатиями с Беном, Крис одарил Леонарда очередным холодным взглядом, а потом вернул внимание к напарнику.

– Ты не говорил, что Савант придет, – проговорил Кристофер так, будто Леонарда здесь не было. Это вызвало на лице Бенджамина кривую улыбку. Савант не отреагировал на слова Райса, решив, что незнакомка заслуживает большего внимания, чем вечные придирки Кристофера.

Девушка, переминаясь с ноги на ногу, обратилась к Леонарду.

– Меня зовут Темпл, я сестра Кристофера. Вы ведь Леонард Савант? Крис иногда упоминает вас, когда говорит о работе, – протянув руку, молодая мисс Райс смущенно улыбнулась. На щеках появились умильные ямочки, а выразительные зеленые глаза сверкнули в тусклом свете люстр. Леонард прищурился и покачал головой. Если бы ему было дело до того, что подумает Темпл, то он бы наверняка расстроился. Потому что Кристофер точно не мог упоминать его, используя хотя бы небранные слова.

– Да, я Леонард. Приятно познакомиться, Темпл, – ровно произнес Савант, аккуратно пожимая хрупкую руку. После он легко отодвинул для девушки стул. Махнув рукой и послав лучезарную улыбку Бенджамину в качестве приветствия, молодая мисс Райс уселась на свое место, дотрагиваясь тонкими пальцами до чашки с дымящимся напитком. Леонард уловил и с наслаждением вдохнул кофейный аромат. В голове мгновенно возник нежно хранимый в памяти образ матери, но Савант с трудом заставил себя не придаваться ностальгии. Леонард обещал сходить на ужин с Бенджаминем и не собирался портить вечер выпадами из реальности. Впрочем, вести светские беседы Савант не собирался тоже.

За ужином разговаривали в основном Кристофер и Бен. Обсуждая работу, мужчины не обращали внимания на притихшую Темпл, которая вяло ковырялась вилкой в салате. Леонард периодически отвечал на заданные вопросы, наслаждаясь вкусом аппетитного картофеля. Он чувствовал, что мисс Райс из-под ресниц внимательно наблюдает. Савант явственно ощущал это кожей, но не подавал виду. Он и сам успел хорошенько рассмотреть новую знакомую. Ее короткие ногти выкрашены в яркий фиолетовый цвет, а на участке кожи возле шеи виднелся слой пыли, словно девушка дотронулась до этого места руками, испачканными в земле. То, что девушка так смотрела... В этом не было ничего удивительного и неожиданного. Леонард – тот, кого на Земле-3 называли неполноценными. Люди с особенностями, те, кого природа прокляла, даруя шанс быть не такими, как все.

«Быть хуже», – слышалось в средствах массовой информации и на улицах.

«Быть другими», – думал Леонард, но никогда не говорил этого вслух.

«Быть особенными», – отдавались в голове Саванта слова матери. Помнится, мама повторяла, что Леонард ничего не должен обществу, кроме трех вещей: быть верным, быть милосердным, быть собой. И хоть с момента смерти матери прошли годы, ее слова все еще звучали в голове Леонарда так, будто это было вчера. Его мать была мудрой, но плохо понимала, что за жизнь ждет повзрослевшего сына с отметкой «поставлен на учет» в медицинской книжке.

У него нет внешних проявлений диагноза. Зато у многочисленных знакомых одной из двух лечебниц для неполноценных – Миддл-Таун – они есть. Там Савант помогал персоналу, зарабатывая на жизнь, одновременно исследуя удивительные случаи изменения личности человека. Страсть к психиатрии не прошла спустя долгие и одинокие пять лет со смерти матери. Леонард намеренно устроился в подобное заведение. Собственно, там его и нашел Бенджамин Уокер – старший следователь местной полиции. Он вел расследование по запутанному делу, и случайно вовлек Саванта в собственные размышления вслух. Тогда Леонард указал Уокеру на детали, ставшие ключом к раскрытию дела. Бенджамин был поражен, поэтому тут же выбил из начальства разрешение принять молодого специалиста на работу в качестве приглашенного эксперта. Что же такого особенного заметил в нем Бенджамин, Леонард так и не понял. Впрочем, то, что Бен предложил Саванту место консультанта, не понял никто.

Но замысел Бенджамина оправдал себя. Леонарда Саванта, двадцатитрехлетнего работника лечебницы для неполноценных, вызывали на расследования странных и, с психологической точки зрения, непонятных, дел. И Савант проявлялся с самой лучшей стороны, помогая полиции раскрывать подобные загадки. Леонарду казалось, что в полиции большинству глубоко плевать на то, полноценный он или нет, пока дела раскрываются, а преступники упекаются за решетку. Но из каждого правила есть исключения. Кристофер Райс оказался удивительно стойким в неприятии Саванта, как эксперта и личности в целом.

– Так вы, Леонард, тоже из этих? – скосив взгляд в сторону, поинтересовалась Темпл. Савант покачал головой и слабо улыбнулся. Сколько раз за последние годы он слышал подобные вопросы? Достаточно, чтобы привыкнуть. Сколько раз ему было неловко отвечать? Ни разу. Леонард никогда не стыдился того, кем является. Любовь и вера матери сделали свое дело – за прошедшие годы ничто, кроме смерти родного человека, не смогло затронуть чувства и сердце.

– Что вы имеете в виду, мисс Райс? Из «этих» в смысле из тех, кого называют неполноценными? – ответил вопросом на вопрос Савант. И хоть подобное любопытство не задевало, в глазах Леонарда милость Темпл мгновенно поблекла. Впрочем, чего ожидать от сестры Кристофера Райса?

– О, нет, вы неправильно поняли! – девушка смущенно замахала руками, на бледном лице вспыхнул румянец. Савант приподнял бровь, действительно не понимая поведения Темпл. Немного придя в себя от неловкости, но продолжая краснеть, она объяснила. – Я имела в виду полицейских. Вы ведь тоже полицейский?

– О, вы об этом... – Леонард на мгновение растерялся, но тут же взял себя в руки. Он так привык к вопросам о неполноценности, что не был готов к обычным вопросам, который звучат за вечерним ужином. – Нет, я не полицейский. Меня вызывают исключительно на консультации. На самом деле я работаю в Миддл-Таун – лечебнице для неполноценных.

– Неужели? – Темпл склонилась ближе, и Леонарду захотелось отодвинуться. От нее пахло цветами, но какими именно Савант не определил. И аромат кофе не давал покоя. Ощущая, как призраки прошлого накрывают разум, Леонард пытался оставаться собранным и сосредоточенным, не выпадая из реальности. Сделав усилие, он не тронулся с места. Эта девушка вызвала странное чувство – хотелось бежать подальше. От нее и от ее вопросов. И от любопытства, которое звучало в звонком голосе. Темпл вела себя подозрительно непредвзято, и это заставляло думать о ловушке. Тем временем девушка продолжила. – Как интересно! Крис рассказывал, что вы консультируете, но он не уточнял, по каким вопросам. Значит, это именно вы составляете психологические портреты преступников и пытаетесь понять образ их мышления? Я слышала про ужасное дело о кукольнике. Знаю, прозвучит жутко, но мне было очень любопытно следить за ходом расследования! Я буквально заставляла Кристофера рассказывать хоть что-то, а потом по крупицам составляла общую картину происходящего. Вы даже не представляете, насколько сильно мне хочется поближе с вами познакомиться. Возможно, вы смогли бы подкидывать информацию из полицейского участка?

– У вас очень своеобразные интересы, Темпл, – покачал головой Леонард. Он помнил каждое дело, над которым работал. Двенадцать. Их было ровно двенадцать за прошедший год. И дело о кукольнике – одно из самых отвратительных и бесчеловечных. Хотя о какой человечности может идти разговор, если речь об убийцах? Ненормальный мужчина убивал юных девочек и оставлял жертв подвешенными на нитях, словно их тела просто марионетки в кровавых руках. Ничего более жуткого Леонард еще никогда в жизни не видел. – Кем вы работаете? Учитывая странное любопытство, я бы предположил, что вы журналистка, – в голосе Саванта проскользнула неприязнь. Журналистов он на дух не переносил.

– Нет, – Темпл покачала головой, в очередной раз удивляя Леонарда. – Я заведу цветочным магазином на углу возле центральной площади. А еще я – сестра полицейского и ярый фанат детективных романов, отсюда и странный интерес.

– О, теперь все встало на свои места, – усмехнулся Леонард. – У вас в волосах пыльца, на шее грязь от земли, а сама вы благоухаете чем-то цветочным, несмотря на аромат кофе, которым пропахло все вокруг. Сейчас я четко улавливаю аромат роз. Скорее всего – белых, они пахнут более нежно, чем красные.

– Я пахну цветами? Подобных комплиментов мне не говорили, – Темпл смутилась и легко улыбнулась.

– Это не комплимент, – покачал головой Леонард, чем заставил улыбку на лице Темпл поблекнуть. – Просто факт, наблюдение, ничего более. Но если вам приятней думать о моих словах, как о комплименте, пожалуйста, я не против.

Наступила тишина. Леонард предпочитал смотреть в сторону, но все равно ощущал внимательный взгляд Темпл. Он знал, что повел себя невежливо, расстроив девушку, но ничего поделаться с собой не мог. Из-за образа жизни и знака, нависшего над личностью, Леонард привык не подпускать людей близко. И легче сразу обрубить все начинания, чем позже наблюдать за тем, как человек разочаровывается.

– Вы действительно отличаетесь от всех, кого я знаю, Леонард, – только и проговорила Темпл, прежде чем снова упереться взглядом в недоеденный салат. Кофе остыл, аромат роз стал ярче. Голос у молодой мисс Райс не дрожал, был спокойным. Никаких намеков на обиду или злость. Савант несколько мгновений внимательно вглядывался в бледное девичье лицо, а потом отвел взгляд в сторону и покачал головой. Конечно, в ее словах двойной смысл. И, конечно, Леонарду все еще плевать. Тем не менее ужин превращался в кошмар. Он привык находиться в одиночестве, и подобные внезапные идеи Бенджамина по сближению Саванта с обществом, катастрофически воздействовали на настроение и эмоции.

– Прошу прощения, мне нужно отойти, – быстро произнес Леонард и, не дожидаясь реакции удивленного Бенджамина и настороженного Кристофера, направился в сторону уборных. Только оказавшись вне досягаемости взглядов следователей и Темпл, Савант смог вздохнуть с облегчением. В уборной горел тусклый светильник, стены выкрасили в ядовитый зеленый цвет, и от этого пространство казалось нереальным. Леонард подошел к раковине и включил холодную воду. Над умывальником висело заляпанное зеркало, и, умывшись, Савант всмотрелся в отражение. Из зеркала смотрел молодой мужчина с короткими темно-русыми волосами. В зеленоватом свете комнаты глаза Леонарда казались темными. Но он знал – на самом деле они холодного серого цвета. Была мысль, что подобный цвет достался от отца, так как у матери были карие глаза. Впрочем, Савант не мог и не желал знать правду. Его отца никогда не было рядом, и для Леонарда его не существовало.

Холодная вода помогла. Ему некомфортно в ситуациях, где обитали простые люди, разговаривающие об обыкновенных делах и будничных проблемах. И ему совсем некомфортно рядом с девушками, которые ведут себя непредсказуемо. А Темпл Райс именно такая. Она должна была обидеться, отодвинуться подальше и перестать кидать любопытные взгляды. Но Темпл этого не сделала.

Нельзя сказать, что Савант окружен толпой поклонниц, но редкие свидания дали понять, что мало кто, узнав об «особенности», стерпит его рядом с собой. Исключения случались, но слишком редко, чтобы стать правилом. Ни с кем Савант не продержался достаточно долго. Или лучше сказать, что это они не продержались достаточно долго с ним?

– Тсс, чувствуешь? Пахнет гнильем, – вдруг прозвучал тихий голос позади Леонарда. Он не вздрогнул и не обернулся, наблюдая в пыльное зеркало, как словно ниоткуда появился мужчина, одетый в потрепанные одежды. Выглядел незнакомец ошеломленным: глаза широко распахнуты, а рот приоткрыт, на лице выражение удивления, смешанного с ужасом. Подойдя ближе к Саванту, он уставился в зеркало. Леонард четко уловил запах алкоголя и грязи. – Ты чувствуешь это? Я чувствую. Все умирает, все умирают. И везде этот запах! Отвратительно!

– Как вас зовут? – спокойным голосом поинтересовался Леонард. У него отличный опыт работы с нестабильными. А все в незнакомце выдавало отчаянно сдерживаемый невроз.

– Неважно, неважно. Все гниет, и запах цветов не спасает. Лилии? Розы? Нет, определенно, нет. Может быть, ромашки? Или маки? – отстраненно смотря по сторонам, незнакомец направился к выходу. Как только дверь закрылась, хлопком приводя Саванта в чувство, он мгновенно развернулся и поспешил за странным мужчиной. Но когда Леонард оказался за пределами уборной, сумасшедшего и след простыл. Растерянно осматриваясь по сторонам,

Савант ощущал в груди беспокойство. Такое же чувство было в день, когда погибла мать. Это всколыхнуло старые воспоминания и ощущения, заставляя сердце стучаться быстрее.

– Савант! Эй, Савант! – напряженный Кристофер оказался перед Леонардом, заставляя того немедленно прийти в себя. Райс не заметил перемены в поведении Леонарда. Или же, скорее всего, ему плевать. – Звонили из участка, новое дело. Бенджамин хочет, чтобы ты поехал с нами, так что пошевеливайся, – и, не обращая внимания на то, следует ли за ним Савант, Кристофер продолжил. – Убили молодую женщину, кажется, на подходе новый психопат.

– Это еще почему? – возвращая концентрацию и уверенность, поинтересовался Леонард. Он беспрекословно следовал за Крисом, обратив внимание на то, что кафе опустело. Ни Бенджамина, ни Темпл уже не было.

– Труп женщины покрыт цветами, – ответил Райс.

* * *

По дороге в участок стояла напряженная тишина. Темпл пришлось взять с собой, так как ехать до ее дома хоть и недалеко, но хлопотно, учитывая то, что вызывали в полицейский участок экстренно. Кристофер отказался отпускать сестру в одиночестве блуждать по улицам вечернего города. Особенно – в свете последних событий.

Леонард ощущал, как от сидящего за рулем Кристофера исходит волна недовольства. Наверно, это ощущал каждый сидящий в машине. То и дело Савант наткнулся на внимательный взгляд зеленых глаз Райса, смотрящих из зеркала заднего вида. Леонард не отводил взгляда, просто смотрел в ответ, совершенно не отдавая себе отчет в том, что старается отжаться как можно дальше от притаившейся рядом Темпл. Возможно, Кристофера раздражал именно факт, что драгоценная сестра вынуждена делить сиденье с неполноценным. Или что Савант вообще находится с ними. Или же, что он существует. Вариантов масса.

– Хватит сверлить Саванта взглядом, – наконец, не выдержал Бен. В голосе сквозила серьезность, смешанная с напряжением. Бенджамин вернулся в рабочий режим. А на работе он не был другом. На работе Бенджамин Уокер – главный следователь центрального района Земли-3. – Следи за дорогой и расскажи подробней о деле.

– Жертву нашли в одном из переулков рабочего квартала – недалеко от въезда на центральную улицу. Молодая, белая, тридцать один год, каштановые волосы, светлые глаза. Работала в пекарне неподалеку, скорее всего, возвращалась со смены, когда было совершено нападение. Если бы не специфичность, то нас бы не потревожили, списав на обычный грабеж.

– Так кошелек украли? – уточнил Леонард, Кристофер ничего не ответил, но кивнул, продолжая рассказ.

– Ребята из патруля решили, что это по нашей части. Жертва лежала обнаженная на белой простыне, вся покрытая цветами. Тело обмыто, волосы расчесаны, ногти острижены. Таким образом, убийца привел жертву в порядок для похоронной церемонии.

– Вряд ли он имел в виду именно это, – покачал головой Савант. Тут уж Кристофер не выдержал и, быстро обернувшись, смерил Леонарда недовольным взглядом.

– Давай, Савант, удиви догадками, ты же у нас знаток психопатов, – фыркнул Кристофер. От этих слов Леонард хмыкнул и покачал головой. Выпады Райса давно перестали впечатлять.

– Да, именно так, психопаты – мой профиль, – согласился Савант, чем вызвал несмелую улыбку на лице Темпл. Он не обращал внимания на то, что девушка даже после неловкого разговора в кафе с интересом рассматривает его. Эти любопытные взгляды похожи на наблюдение врачей, заинтересованных удивительным случаем изменения человеческой психики. Леонард множество раз видел подобное. Слово рядом с врачами не человек, а лабораторная крыса. – Кража кошелька – не мотив, и так понятно. Жертва обмыта и расчесана, значит, что убийца хотел, чтобы ее вид вызывал не отвращение, как все, что связано со смертью. Он хотел, чтобы ею восхищались, несмотря на смерть. Цветы, скорее всего, инструмент.

– Аромат цветов может перебить запах смерти. Возможно, поэтому убийца осыпал тело цветами, – вставила слово Темпл. Савант заинтересованно приподнял бровь, больше Темпл не улыбалась. На миловидном лице появилось знакомое выражение сосредоточенности, которое Леонард часто видел у Кристофера. Все же, брат с сестрой удивительно похожи. И крашенные в серебристый цвет волосы Темпл не смогли бы никого обмануть. Савант легко мог представить мисс Райс с такими же темными волосами, как и у Кристофера. Тем временем Темпл продолжила. – Обычно для похоронных церемоний подбирают цветы с ярко выраженным ароматом. Например, лилии или хризантемы. Белые лилии со времен Земли-1 считаются похоронными цветами.

– Понятно, – кивнул Бенджамин, а потом повернулся к Кристоферу. – Какие цветы были на месте преступления?

– Не лилии, – качнул головой Райс. – Красные маки.

– Как удобно, что в машине оказался эксперт по цветам, – усмехнулся Бенджамин и вопросительно посмотрел на Темпл. Девушка нахмурилась.

– Что вы можете рассказать об этих цветах? – поинтересовался Леонард. Темпл на несколько мгновений отвела глаза, вспоминая. Ее рот приоткрылся, и Савант заметил шрам на подбородке.

– Насколько я знаю, красные маки являются символом чистоты. На Земле-1, в стране под названием Египет, красные маки символизировали женскую красоту, грацию, очарование и молодость. В то же время поля красных маков воспринимались, как земли, орошенные кровью воителей или солдат. Так что однозначной трактовки символизма красных маков не существует.

– Интересная ремарка, спасибо, – кивнул Бенджамин и уставился в окно, раздумывая о своем. Вечернее небо заволочло тучами, вот-вот должен начаться дождь.

– А их аромат? – задал вопрос Леонард. Темпл неопределенно пожала плечами.

– Трудно выделить что-то особенное в аромате цветов, Леонард, – проговорила девушка. Савант вздрогнул от того, как просто она обратилась по имени, переходя на «ты». Это резануло слух не только ему, Кристофер напрягся, но ничего не сказал, продолжая вести машину. – Если лилии пахнут резко и свежо, то маки – из другой оперы. Их аромат сладкий, слабо пряный. Особенно мягким и нежным аромат маков становится на холоде.

– Скорее всего, убийство произошло вечером. Прошлой ночью было холодно, – заметил Кристофер, Савант согласно кивнул.

– Ты прав, – Леонард задумался об услышанном, совершенно не замечая, что уставился в лицо Темпл. Несколько мгновений она смущенно ерзала, а потом поняла, что смотрит Савант не на нее конкретно, а сквозь. Серые глаза Леонарда в затемненной машине казались темно-синими, а из-за отрешенного взгляда по коже Темпл пробежали мурашки. В слабом освещении фонарей с улицы четко выделились скулы мужчины, тонкие губы приоткрылись. В этот момент Савант выглядел жутко. Усмехнувшись глупым мыслям, девушка отвернулась к окну. Начался дождь.

Оставшийся путь спутники ехали в тишине. В полицейском участке Кристофер угрожающим тоном велел Темпл оставаться в кабинете и не высовываться. Вечер пятницы, весь участок стоял на ушах. В канун выходных и праздников случалось большинство задержаний. Люди расслаблялись, кто-то умудрялся найти дешевый и некачественный алкоголь... А где алкогольное опьянение, там и мысли, что человеку дозволено все.

– Все, идем. Посмотрим на тело, хватит разговоров, – сурово проговорил Бенджамин и, не обращая внимания на неподдельный интерес, смешанный с толикой страха, во взгляде Темпл, закрыл перед ее лицом дверь кабинета. – Райс, Савант, шевелитесь.

И Леонард, и Кристофер ничего не ответили и направились за следователем. В полицейском участке Бенджамин преобразался – в облике проявлялась удивительная решимость,

выражение лица становилось каменным, во взгляде невозможно уловить и намека на мысли, которые крутились в голове следователя. Саванта подобная метаморфоза приводила в изумление. Насколько разными могли быть люди в зависимости от окружающей обстановки! Ему казалось, что сам он всегда одинаковый. Одинаково отстраненный.

– Плохо, что мы не смогли посмотреть на жертву в месте преступления, – произнес Кристофер, Леонард согласно кивнул. Да, оценить место, где нашли тело, было бы лучше и результативнее, чем жертву и место по отдельности. Но выбирать не приходилось.

– Осмотрим и проанализируем то, что есть, – отмахнулся Бенджамин. – Завтра мы с тобой, Райс, отправимся на место преступления, а Савант, – следователь обернулся к Леонарду, – составит правдоподобный портрет убийцы, а еще обдумает парочку версий на тему мотива.

– Понял, сделаю, – кивнул Леонард. Завтрашний день обещал быть насыщенным. С утра Саванта ждут в лечебнице, а к вечеру на столе Бенджамина должен лежать доклад. Леонарду нравилось быть занятым и неважно, где именно. Главное, что он чем-то занимался, а значит, был полезен. Постоянное внушение, что люди, живущие на Земле-3, обязаны быть полезными, принесло плоды. За прошедшие одиннадцать лет под знаком «неполноценного» Савант успел научиться не воспринимать чужие речи, но даже он чувствовал воздействие каждодневной пропаганды. Общество считало бесполезных индивидов такими же неполноценными, как и больных людей. Леонард думал, что Земля-3 с ее одурманенными жителями более больна, чем все пациенты в лечебнице Миддл-Таун вместе взятые.

Когда трое мужчин оказались в подвальном помещении полицейского участка, которое являлось одновременно моргом и местом работы медицинских экспертов, в воздухе повис противный сладковато-приторный запах формалина. Но в привычном аромате раствора формальдегида проявлялись и другие нотки – масло и цветы.

На железном столе лежало тело молодой женщины, по грудь накрытой белой простыней. Ее каштановые волосы разметались и больше не выглядели расчесанными и красивыми, выражение лица оставалось безмятежным. Губы выделялись голубоватым цветом на бледной, почти прозрачной коже. Если бы не явные признаки смерти, можно было подумать, что женщина крепко спит.

– Окочение толком не прошло, – произнес появившийся из смежной комнаты медицинский эксперт. Пожилой мужчина с внушительной седой бородой и холодным взглядом синих глаз – Джордж Томпсон. – Доброго вечера, коллеги, – Джордж кивнул Леонарду и Кристоферу и протянул руку Бенджамину.

– Не такой уж и добрый, Джордж, – покачал головой следователь, отвечая на рукопожатие. – Значит, прошло не больше тридцати шести часов?

– Около двенадцати-четырнадцати, если быть точным, – согласно кивнул Томпсон. – Причина смерти тебе понравится, Савант. Девушке вырезали сердце.

Леонард нахмурился. Многие в участке, наверно, думали, что он несказанно счастлив, когда происходят ужасные убийства. Но Савант не видел ничего, что могло бы порадовать. Какому нормальному человеку могло нравиться подобное? Разве что тому, кто сам принимал в этом участие.

– Чем ее усыпили перед убийством? – задал вопрос Леонард. Джордж улыбнулся и кивнул.

– Сразу к делу? Мне нравится подход, – начал Томпсон. Он подошел к столу, на ходу натягивая перчатки. Потом Джордж приспустил простыню, открывая неприятный вид на обезображенное женское тело. Посередине груди тянулся аккуратный разрез, было заметно, что убийца накладывал швы, и сделано это довольно профессионально. Джордж указал рукой на разрез. – Прежде чем делать операцию, убийца вколол жертве быстродействующее усыпляющее средство в область шеи. Мои подопечные уже определяют состав. Скорее всего, это сделали со спины, так как после потери сознания, жертва упала плашмя. На коленях и животе

есть ссадины от столкновения с асфальтом. После убийца перенес тело жертвы в укромное место, где с помощью профессиональных хирургических инструментов провел операцию по удалению сердца.

– Охотники за органами? – задал вопрос Кристофер.

– Вряд ли, – ответил Томпсон. – Слишком странно в таком случае вырезать исключительно сердце. Женщина абсолютно здорова. Будь я охотником за органами, то вырезал бы все.

– Сердце обнаружено на месте преступления? – поинтересовался Бенджамин, Джордж покачал головой.

– Нет, так и не нашли ни на месте преступления, ни в окрестностях. Возможно, новый убийца-психопат предпочитает оставлять себе частичку жертвы на память, – на этих словах Томпсон улыбнулся, будто произнес что-то действительно смешное.

– Господи, ну и чувство юмора! – повысил голос старший следователь. – Мы смотрим на труп молодой женщины, а ты умудряешься смеяться.

– Смех продлевает жизнь, товарищ следователь, – отмахнулся медицинский эксперт. – Возможно, будь женщина более смешлива, она была бы жива...

– Понятно, что дальше? – перебивая Джорджа на полуслове, спокойно проговорил Савант. Он видел, что от пренебрежительных слов в глазах Бенджамина вспыхнул гнев, способный вылиться в ненужную перебранку.

– После убийца вынул сердце жертвы, но не спешил закрывать разрез. Вместо этого залил в грудную клетку эфирное масло.

– Эфирное масло? – недоуменно переспросил Бенджамин, мгновенно забывая о непозволительном поведении эксперта. – Зачем?

– Чтобы внутри она пахла так же хорошо, как и снаружи, – ответил за Джорджа Савант. Он задумчиво смотрел на тело, пытаясь понять логику убийцы. Но то, что совершивший подобное зверство человек является психически неуравновешенным, ясно уже сейчас. Не обращая внимания на вопросительные взгляды Райса и следователя, Леонард продолжил рассуждать. – Он вынул сердце, залил внутренности эфирным маслом... Что это было за масло? Какой состав?

– Грейпфрут и ветивер, – с готовностью проговорил Томпсон, с неприкрытым восхищением смотря на Саванта.

– Грейпфрут и ветивер, – повторил Леонард, складывая руки на груди. – Эфирное масло с подобным составом раньше называли смесью Афродиты – богини красоты и любви в Древней Греции времен Земли-1. То есть можно предположить, что убийца вложил в мертвое тело частичку красоты, а потом аккуратно зашил разрез, правильно?

– Верно, Савант! – с восторгом в голосе воскликнул Джордж Томпсон, а потом, повернувшись к Бенджамину, заговорил шепотом. – Когда твой ручной эксперт начинает строить теории, я весь трепещу. Удивительный ум!

– Далее убийца сделал все, чтобы жертва выглядела цветущей и красивой: обмыл тело, обрезал ногти, расчесал волосы, уложил их в элегантную прическу. Он даже позаботился о том, чтобы, когда тело найдут, она все еще была чистой – постелил под жертву простыню. И последним штрихом стали цветы. Красные маки, обладающие терпким сладким ароматом, способным перебить даже запах смерти, – закончил Леонард, не отрывая взгляда от жертвы. Ему в голову приходили странные мысли, наподобие той, что будь молодая женщина живой и не отмеченной печатью смерти, то имела бы много общего с его собственной матерью. Те же густые темные волосы, та же стройная фигура и руки, на которых виднелись следы тяжелого ежедневного труда.

– Реалистичная картина. Молодец, Савант, – произнес старший следователь и нахмурился. После обратился к медицинскому эксперту. – Что насчет отпечатков?

– Ничего нет. Скорее всего, убийца использовал перчатки. Мои эксперты с утра поработают на месте преступления, но сомневаюсь, что что-то найдут. Убийца основательно подошел к делу, – покачал головой Томпсон.

Пару минут они молчали, каждый думал о своем.

– Есть еще что-нибудь, что мы должны знать? – наконец, задал вопрос Кристофер, которому, похоже, не терпелось покинуть морг.

– Возможно, это важно, – кивнул Джордж Томпсон. – Жертва не была подвергнута сексуальному насилию, хотя и найдена обнаженной. Помимо ссадин и разреза после извлечения сердца, нет никаких признаков побоев. Очень чистая и профессиональная работа. Я бы подумал, что операцию делал человек с медицинским образованием, если бы не знал, насколько изумительные работы могут проделывать психически неуравновешенные люди, ничего общего с медициной не имеющие.

– Ясно, спасибо, Томпсон, – сосредоточенно кивнул Бенджамин и направился вон из морга.

После удушающего аромата формалина, масла и цветов, воздух в участке показался чистым. Вдохнув полной грудью, Леонард медленно выдохнул, приводя мысли в порядок. На него произвело впечатление это дело, и он будет счастлив, когда психопата, совершившего подобное, упекут за решетку.

Войдя в кабинет, мужчины остановились возле рабочего стола. Темпл, свернувшись калачиком, спала на старенькой софе. На лице играла загадочная улыбка, будто сон радовал. Леонарду в голову пришла случайная мысль. Насколько непохожи сейчас та мертвая женщина на железном столе и Темпл Райс, буквально пышущая жизненной энергией и здоровьем. Савант подумал, что не хотел бы, чтобы Темпл когда-нибудь оказалась в такой безвыходной ситуации, как и молодая женщина с красивыми каштановыми волосами.

– Дело жуткое, – тихо, стараясь не разбудить Темпл, вынес вердикт Бенджамин. – Но будем придерживаться плана. Завтра мы с Крисом отправимся на место преступления и попробуем найти зацепки, а ты, Савант, продолжай думать. У тебя отлично получается.

– Хорошо, – кивнул Леонард, ловя недовольный взгляд Райса. Тот заметил, как внимательно Савант смотрел на его спящую сестру и явно заподозрил что-то не то. – Тогда пойду домой. Завтра с утра меня ждут в лечебнице.

– Все, договорились, доброй ночи, Леонард, – дружелюбно, но все еще мрачно (явно под впечатлением от увиденного в морге), произнес Бенджамин и хлопнул парня по плечу. Леонард махнул рукой Кристоферу, но тот никак не отреагировал, поэтому Савант направился к выходу.

Уже наступила настоящая ночь, и на улице моросил неприятный дождь, но Леонард предпочел пройтись пешком несколько кварталов до своей квартиры. Что-то не так, это дело становилось особенным с каждым мгновением раздумий. В памяти постоянно всплывал образ жертвы и то, как каштановые волосы рассыпались на железном столе морга. Саванта мутило от осевшего в носу и мозгах запаха эфирного масла и цветов. Пройдя несколько кварталов, он понял, что не может справиться с позывами организма. Завернув за первый попавшийся угол, Леонард облокотился о стену, чувствуя головокружение. Его немедленно стошнило.

Глава 2

– Вас снова мучили кошмары? – голос ровный, не выражающий ни одной эмоции.

Тишина.

– О чем вы думаете? – спокойно допытывался врач.

Тишина.

– Возможно, хотите что-то рассказать? – о, вот здесь проскальзывает толика надежды.

Но в ответ снова тишина.

Савант никогда не вдумывался в смысл вопросов, которыми лекари закидывают пациентов Миддл-Таун. Каких ответов они ждали? Несчастные, попавшие под знак неполноценных, в большинстве своем, действительно больны. Перечень психических заболеваний использовался со времен Земли-1, периодически дополняясь. И Леонард этот список знал досконально. Каждую мелочь, любой симптом видел мгновенно. Иногда это здорово мешало жить. Поэтому Савант научился отключать взгляд эксперта.

Хоть в больнице он значился санитаром, его ценили. Прекрасная память и сосредоточенность при выполнении задач вкупе с удивительной исполнительностью – Савант оказался незаменим в Миддл-Таун. Так, во всяком случае, не уставали повторять изнеможенные ночными сменами медсестры.

Персонала катастрофически не хватало. Неудивительно, что на работу принимали каждого, кто изъявил желание. Леонарду повезло. С его медицинской карточкой и отсутствием образования было сложно найти хорошую работу. Впрочем, ему повезло дважды. В первый раз, когда в Миддл-Таун закрыли глаза на диагноз, во второй – когда Бенджамин Уокер появился в жизни Саванта.

Он смотрел на то, как доктор с равнодушным выражением лица повторял вопросы, а пациент – худой мужчина лет сорока – продолжал молчать. Как и десять лет до этого. У пациента в карточке диагноз «мутизм», и пока что никаких результатов методики лекарей не давали. Савант терпеливо ждал, когда врач закончит, чтобы помочь больному принять лекарства и устроиться на жесткой постели.

Когда лекарь исчез из палаты, Леонард точными движениями выполнил свои обязанности, удостоившись кивка благодарности от пациента, но уходить не спешил. Он знал наверняка, что больного не тяготит его общество, ведь Савант, как и сам пациент, хранил молчание. Каждый думал о своем.

Леонард стоял возле зарешеченного окна и смотрел вдаль на машины. Их не слышно в лечебнице, будто это место находится под невидимым куполом, защищающим от вторжения извне. Иногда Савант ощущал подобный купол и вокруг себя: только он, и рядом никого – ни людей, ни звуков, ни запахов.

Медленно переведя взгляд на задремавшего пациента, Леонард задумался. С утра в голове крутились мысли о деле. Савант размышлял о деталях, складывая их, как частички мозаики, в большую картину. Было легко представить убийцу в белоснежной форме пациента Миддл-Таун. Савант не сомневался, что корни сотворенного где-то в нарушенном, искаженном травмой, разуме. Что могло толкнуть человека на совершение столь изощренного преступления? Отторжение чувства отвращения к смерти, замещение эмоций восхвалением и красотой мертвого тела. Словно смерть – переход в лучший мир, а не боль, потеря и горе.

Ощущение смерти Савант знал не понаслышке. Ему приходилось испытывать боль потери. Он помнил скромные похороны матери и немногочисленных людей, пришедших проводить женщину в последний путь. В смерти не было ничего прекрасного. Как бы красиво и аккуратно человек не выглядел, в гробу над ним висел символ отчаяния и потери. Красотой там и не пахло.

Что своим представлением хотел показать преступник? Из-за чего возникла ужасная потребность убивать? И будут ли другие жертвы?

На эти вопросы Леонард не мог дать ответа, но совсем скоро он разберется.

Пациент еле слышно засопел, и молодой санитар решил больше не оставаться в палате. Больные нуждались в отдыхе. Кто знает, возможно, состояние сна – единственный способ для пациентов оставаться собой. Вдруг во сне они не страдают от навязчивых состояний и болезни? Вдруг только в сновидениях они снова гуляют по паркам с родными и близкими, наслаждаясь лучами летнего солнышка, просачивающимся сквозь изумрудную листву деревьев.

На Леонарда сон не воздействовал. Возможно, дело в том, что ему редко снилось хоть что-то, что он не забывал в первые же минуты после пробуждения. Сны – единственное, что Савант мог забыть. Все остальное, хоть раз прочитанное, впечатывалось в память. И Леонард не в силах исправить это. Иногда он целенаправленно пытался добиться забвения, но ни алкоголь, ни медицинские препараты не спасали.

– Леонард! – негромко позвала медсестра, и парень неторопливо направился к ней. Это Луиза, у нее двое несовершеннолетних детей. Именно поэтому женщина нагружала себя сменами, пытаясь в одиночку прокормить семью. Насколько Леонард знал, мужа у нее нет. Иногда Савант угощал Луизу купленными в пекарне пончиками, а она его – домашним сидром, изготовленным по собственному рецепту. Леонарду нравилась Луиза. Хотя бы потому, что она была добра. А еще Луиза красивая, несмотря на темные круги под глазами.

– Что-то случилось? – поинтересовался Савант, подойдя ближе. Луиза вымученно, но искренне улыбнулась и покачала головой. Две прядки, выпущенные из-под шапочки медсестры, качнулись из стороны в сторону.

– Просто хотела сказать, что сегодня твоя смена закончена. Никаких процедур не назначено, можешь идти домой.

– Хорошо, спасибо, – кивнул Леонард и, развернувшись, собирался пойти в раздевалку для персонала, как его догнала фраза Луизы.

– У ворот тебя ждут, – в голосе медсестры проскользнула смешинка. Савант недоуменно обернулся и приподнял бровь. Никто, кроме Бенджамина, никогда не заходил в Миддл-Таун. Луиза, хитро улыбаясь, пояснила. – Девушка. Очень вежливая и милая. Правда, несмотря на это, ее не пропустили. Поэтому она ждет у ворот.

Леонард ничего не ответил, пожал плечами и направился переодеваться. Он понятия не имел, кто эта девушка, хотя мысли, конечно, имелись. Когда Савант вышел за пределы лечебницы, догадки подтвердились. Возле машины Кристофера Райса, скрестив руки на груди и смотря в сторону, стояла Темпл. Она будто не замечала мелкий дождик, который не прекращался с прошлой ночи, капая на ее не покрытую капюшоном серебристую макушку. Стояла и смотрела в никуда, захваченная мыслями.

Савант не смог определить эмоцию, которую испытал, увидев Темпл. Недоумение? Настороженность? Возможно... интерес?

– Что ты здесь делаешь, Темпл? – без приветствий, задал вопрос Леонард, вырывая девушку из размышлений. Темпл вздрогнула и поежилась, словно только сейчас заметила, что погода не слишком теплая. Обратив внимание на Саванта, девушка улыбнулась и неопределенно пожалала плечами.

– Была рядом с лечебницей и подумала, что могу тебя подвезти, раз уж мне все равно нужно в полицейский участок. Хорошо, что не опоздала, и ты не уехал без меня, – ровно ответила Темпл и направилась к водительскому месту, как бы подразумевая, что отказа быть не может. Открыв дверь, девушка спокойно села и посмотрела на все еще стоявшего на месте Саванта. – Садись, Леонард, я не кусаюсь.

– Сомневаюсь в этом, ты же Райс, – пробурчал Савант, но в машину сел.

Некоторое время они ехали молча, хотя у Темпл явно имелись вопросы. Леонард мог прочесть это по выражению лица. Ему казалось забавным стойкое сопротивление Темпл желанию выпалить вопросы в один миг. Именно поэтому Савант молча наслаждался тем, как нагнетается обстановка. Темпл не выдержала примерно на десятой минуте тишины.

– Так как дела, Леонард? – начала девушка. С губ Саванта сорвался смешок, и Темпл кинула быстрый взгляд. Нахмурившись, она закусила губу. – Отсчитывал минуты, когда я заговорю? Я для тебя как открытая книга, не так ли? Ты легко считаешь эмоции.

– Верно, – согласился Савант и отвернулся к окну. – Но это не страшно. Наверняка найдется кто-то, кто посчитает тебя невероятно загадочной, мужчины любят загадки. Тебе не стоит переживать.

– Я и не переживаю, – холодно заявила Темпл, чем вызвала у Саванта очередную улыбку. Он снова ее задел. Но, кажется, в этот раз мисс Райс не собиралась отступать. – Как ты это делаешь?

– Что именно? – переспросил Леонард, не отрывая взгляда от города за стеклом. Осень на Земле-3 не красно-желтая, а серая. Впрочем, как и любое другое время года. Бенджамин рассказывал, что раньше осень называли золотым сезоном. Города утопали в желтой листве, вызывая восхищение. Ничего, кроме тоски, у Саванта осень не вызывала. Восхищаться серостью и слякотью – глупо.

– Как ты замечаешь детали, позволяющие догадываться о мыслях и чувствах людей? – пояснила Темпл, внимательно следя за дорогой. Дождь значительно усилился. Но щетки на стекле с пронзительным скрипом справлялись со своей работой. Равномерный и монотонный звук успокаивал.

– Не знаю, это происходит само по себе, – честно ответил Савант. Он действительно не знал. Разбираться не хотелось.

– У Кристофера есть соображения на этот счет, – заметила Темпл. Леонард хмыкнул.

– Конечно, есть. Твой брат терпеть меня не может с самого знакомства. Легко угадать его мысли по поводу всего, что связано со мной.

– Ты допускаешь, что удивительные способности – это последствия... хм, – Темпл замаялась, не зная, как правильно выразиться, чтобы не прозвучало грубо.

– Диагноза? – подсказал Леонард. Смутившись, девушка кивнула. – Все возможно, мисс Райс, я не думаю об этом. И ты не забивай голову ненужными размышлениями.

Снова наступила тишина. Слышался шум с дороги и то, как дождь отстукивает собственный ритм по поверхности машины. Звук убаюкивал, заставляя Леонарда желать закрыть глаза и уснуть. Но с Темпл этот трюк бы не прошел. Она неспроста дождалась его с лечебницы.

– Знаешь, твоя манера поведения больше не срабатывает, – вдруг проговорила Темпл. Савант заинтересовано уставился в ответ, совершенно не понимая, что она имеет в виду. Заметив взгляд Леонарда боковым зрением, девушка разъяснила. – Я про привычку отталкивать.

– Я никого не отталкиваю.

– Да, да, именно это ты и делаешь, – повеселела Темпл. – О тебе мне рассказывал не только Крис, но и Бенджамин. Он очень высокого мнения о тебе, а я доверяю его чутью. Именно поэтому мне любопытно узнать тебя лучше. Необязательно отталкивать тех, кто проявляет интерес, Леонард.

Савант решил промолчать. Ему не хотелось знать, что о нем рассказывали. И не хотелось, чтобы Темпл пыталась стать его другом. Леонард уверен в одном: его до чертиков настораживали и пугали подобные желания незнакомых людей. Никогда никому не было дела до него, а теперь в окружение настойчиво пытается ворваться миловидная девушка с решительностью носорога, которая совершенно не умеет скрывать чувства, да к тому же задает провокационные вопросы.

– Опять тишина, – Темпл усмехнулась, и Савант порадовался, что они приехали в участок. Как только машина остановилась, Леонард собирался выскочить из машины и спастись бегством. Позорно? Возможно. Благоразумно? Еще как!

Но Темпл снова спутала планы. Ее узкая ладонь вдруг оказалась на руке Леонарда, заставляя вздрогнуть и быстро поднять взгляд на спутницу. Кажется, в отличие от него, у Темпл нет проблем с коммуникабельностью. Если человек приглянулся, то для жертвы оставалось два пути: разрешить Темпл разобраться или же уезжать подальше – в надежде, что любопытство исчезнет само собой.

У Темпл нежная кожа, и из-за близости Савант вновь ощутил мягкий аромат роз. Купается она в лепестках, что ли? Леонарду стало неуютно. Красивая девушка проявляла интерес к его персоне, но ощущение такое, что за искренними улыбками стоит что-то более опасное и недопустимое, чем сближение. Савант понял – он боялся, потому что понимал, что Темпл, кажется, по силам задеть его сердце. Решительность и добродушие мисс Райс пугали, хотя Леонард и не привык бояться хрупких блондинок. В ней чувствовалась сила и легенда, способная заинтересовать Саванта. Но он помнил, что она – сестра Кристофера. А это опасная территория.

– Эй, Леонард, – произнесла девушка, и он напряженным взглядом посмотрел в ответ. Темпл тепло улыбалась. Казалось, за улыбкой нет скрытых мотивов. Саванту почти захотелось, чтобы это было так. В зеленых глазах Темпл сверкали смешинки. – Знаешь, меня мало кто может заинтриговать и... Я знаю, просьба может показаться наглостью, но...

– Тогда не задавай вопрос, Темпл, – перебил Савант, на что она сильнее заулыбалась, а яркие глаза засверкали ярче, словно девушка вот-вот готова рассмеяться.

– Нет уж, я его задам. Сегодня у меня работа до позднего вечера, но после я абсолютно свободна. Не мог бы ты меня встретить? Я бы с удовольствием прогулялась перед сном. К тому же, чтобы хорошо мыслить и поймать преступника, тебе тоже периодически нужно проветривать мозги.

Леонард внимательно смотрел на Темпл, не понимая, что же такого она увидела в нем, раз отчаянно хочет сблизиться. Игра в гляделки прервалась настойчивым стуком в стекло. И Темпл, и Леонард вздрогнули, быстро приходя в себя. Девушка мгновенно убрала ладонь с руки Саванта, и начала суетливо вытаскивать что-то с заднего сидения. Леонард вышел из машины, сразу же натыкаясь на недовольный взгляд Кристофера. Савант устало вздохнул. Еще этого ему не хватало.

– Какого черта ты делаешь с моей сестрой, Савант? – выпалил Райс, гневно сверкая зелеными глазами, словно пытаясь пробуровать взглядом в Леонарде дыру.

– И тебе привет, – фыркнул Савант и устремил взгляд на Темпл. Он не собирался объясняться, пусть хитрая барышня сама разруливает ситуацию. Темпл выпорхнула из машины, неся в руках пакет с едой. С невинным видом девушка торжественно вручила обед брату и только потом заговорила.

– Не сердись, Крис. Я решила подвезти Леонарда до полицейского участка, все равно нужно было к тебе, – улыбнулась Темпл. Кристофера перекосило, и он готов был сказать что-то наверняка нелицеприятное, но сестра решила его добить. Она шустро повернулась к Леонарду и произнесла решающую фразу. – Жду тебя в половину одиннадцатого возле центрального сквера. У меня осталось примерно тысяча вопросов, на которые ты должен ответить!

На этих словах Темпл махнула рукой в знак прощания и немедленно ретировалась, оставляя невозмутимого Саванта наедине с разъяренным Кристофером.

– Ты... – начал Райс, Леонард прищурил уставший взгляд. Лично у него создалось впечатление, что Темпл только рада позлить брата. И почему-то Леонарду думалось, что он в этом шоу выступал в роли инструмента? Тем временем Кристофер взял себя в руки. – Не смей приближаться к моей сестре, Савант.

– О, я и не собирался, – хмыкнул Леонард и направился к входу. Ему *уже* надоела только-только начавшаяся игра Темпл. Но на встречу с ней он, конечно, явится. Хотя бы ради того, чтобы высказать все, что думает. Ну и проводить девушку поздно ночью до дома было бы правильно, не так ли? Отсутствием должных манер Савант не страдал.

– Я не договорил, Савант! – зарычал позади Кристофер, направляясь следом. Райс злился. Ох, как он зол! Леонард чувствовал гнев коллеги, поэтому ему не терпелось поскорей увидеться с Бенджамином. В присутствии главного следователя Райс не станет переходить на оскорбления и говорить о личных делах. На работе нужно делать работу. И Леонард именно этим и собирался заниматься, а не защищаться от несправедливых нападок. Он выскажет Темпл все, что думает по этому поводу. Вечером. А сейчас нужно сосредоточиться на деле, ведь именно этого от него ждет Бенджамин.

– Добрый день, – ровно проговорил Леонард, как только вошел в кабинет. Тот сидел за столом, внимательно читая тоненькую папку с делом новоявленного убийцы. Увидев Саванта, на лице следователя появилась улыбка. Но строгость во взгляде не исчезла ни на мгновение.

– Привет, Леонард, – бодро ответил Бенджамин и со вздохом отложил папку в сторону. Он хотел сказать что-то еще, но в кабинет вихрем ворвался Кристофер, сжимая в руке пакет с едой так сильно, что бумага жалобно поскрипывала при каждом движении. – Крис, и ты здесь! Славно. Нам необходимо небольшое совещание.

– Как скажешь, – грубо выговорил Райс, кинув пакет на стол и тут же яростно уставившись на застывшего с невозмутимым видом Саванта. Бенджамин в замешательстве переводил взгляд с одного на другого, а потом, словно сдавшись, покачал головой.

– Как дети малые, ей-богу! Когда вы прекратите? – произнес следователь, а потом, выпрямившись в кресле, заговорил о деле. – Но в сторону все, кроме нашего убийцы. Савант, с утра мы с Райсом были на месте преступления...

– Нашли что-нибудь? – заинтересовался Леонард, аккуратно облокочиваясь о стол и скрепя руки на груди. Он уже забыл свое недовольство поведением Темпл, работа вышла на первый план. Если бы еще Кристофер перестал сверлить гневным взглядом, стало бы совсем замечательно.

– Нет, все чисто. Убийца оказался на редкость предусмотрительным. Никаких зацепок, которые указали бы на дальнейшее развитие расследования. Единственное, мы выяснили, что место проведения операций должно находиться в непосредственной близости. Возможно, даже точно, у убийцы есть машина.

– Тогда мы не можем быть уверены, что это мужчина, а не женщина, – предположил Савант.

– Верно, но все же – стиль убийства больше подходит мужчине.

– Убийство совершено поздним вечером, неудивительно, что он провернул все без свидетелей. Ночью даже в центре мало кто появляется на улице, а уж в рабочих районах...

– Точно, – кивнул Бенджамин. – Завтрашним утром родственники убитой устраивают похороны. Есть шанс встретиться с ними сегодня. Нас ждут через полтора часа.

– Родственники? – переспросил Савант. Об этом он совсем забыл, погружаясь в раздумья о мотивах убийцы. – Кто у нее остался?

– Престарелая мать и малолетний сын, – с печалью в голосе проговорил Бенджамин. Кристофер отвел взгляд, а Леонард кивнул. Он не испытал грусти. Да, жаль родственников, потерявших родного человека. Но намного больше Саванта занимал вопрос убийцы.

Не говоря ни слова, Леонард махнул рукой Бенджамину и направился в комнату отдыха. Естественно, у него не было своего кабинета в участке. И Леонард предпочел работать не под суровым взглядом Кристофера. Нужно сосредоточиться, оставалось полтора часа до встречи с родственниками жертвы. И за это время Саванту необходимо наработать хоть какие-то версии произошедшего.

Леонард сел за угловой столик возле окна, чтобы не привлекать внимания, и достал из кармана блокнот и карандаш. Сосредоточенно записывая на пожелтевшей бумаге мысли по поводу дела, Савант и сам не понял, как начал проигрывать в голове разговоры, которые велись об этом происшествии. То, что сказал Кристофер по дороге в участок, информация Темпл о цветах, вердикт Томпсона, минимальные заключения Бенджамина после осмотра места преступления... Все складывалось в загадочную картину, в которой не доставало массы элементов.

В чем особенность жертвы? Почему убийца выбрал ее? Означает ли внешность, что у психопата есть типаж? Довольно сложно сказать наверняка, обладая лишь одним телом в морге. Или убийца не выбирал специально? Она стала жертвой обстоятельств, наткнувшись на психопата в темном переулке? Может ли это убийство быть чем-то личным? И знала ли жертва убийцу?

Что именно маньяк хотел показать своим представлением Савант уже понял. Это ясно, несмотря на отсутствующий мотив. Но ведь иногда жажда убийства является единственным мотивом. Что, если это как такой случай?

– Савант, – через какое-то время произнес кто-то рядом. Леонард вздрогнул, словно очнувшись от сна. На самом деле, когда он погружался в размышления, мало что могло помешать. Шум превращался в тишину, взгляды переставали волновать. Ничего не мешало Саванту думать. Но сейчас кто-то недовольно тряс его за плечо, хватаясь холодной рукой и сжимая так, словно хотел причинить боль. Кристофер. – Пошли, пора ехать к родственникам жертвы.

Леонард несколько мгновений заторможено осознал сказанное Райсом, а потом встряхнулся, заодно скидывая руку Кристофера. Поднявшись на ноги, Савант спрятал блокнот и карандаш в карман и направился к выходу.

– Савант, – проговорил Райс. Леонард, нахмурившись, обернулся и вопросительно приподнял бровь, – Темпл – единственная моя семья, ясно?

– Предельно.

– И я не хочу, чтобы с ней случилось что-то плохое. Моя сестра любит влипнуть в истории из-за чрезмерного любопытства, но разговор не об этом, – продолжил Кристофер. То, куда клонил Райс, озадачило Саванта, заставляя чувствовать недоумение. Неужели Кристофер действительно думал, что Леонарду это нужно? Все эти игры с Темпл. Неужели Райс действительно так глуп?

– Если думаешь, что я заинтересован, то ошибаешься, – ровно проговорил Леонард. Его голос прозвучал холодно, хоть он этого и не хотел. Но лицо Кристофера смягчилось. Савант ясно увидел это – Райс действительно переживает за сестру.

– Ей не нужно это, – уверенно произнес Кристофер. – Она не должна быть в компании с такими, как ты. Дай слово, что будешь держаться подальше.

Савант на мгновение опешил. Но обиды не было, он чувствовал себя таким же спокойным и собранным, как и всегда. Леонард раздумывал над ответом лишь несколько секунд.

– Скажи это сестре, Райс, не мне, – отрезал Савант и, развернувшись, вышел из комнаты, оставляя Кристофера в одиночестве. Леонард представил, как бы ответила на слова братца сама Темпл. Он живо вообразил недовольное лицо и то, как чуть приоткрывается рот, готовый выпустить на волю импульсивную, непродуманную речь. Яркими зелеными глазами Темпл бы метала молнии, а руками активно жестикулировала, наглядно показывая негодование.

* * *

Дом жертвы находился рядом с местом преступления. Полуразрушенное кирпичное здание, которое исправно давало приют множеству семей. Возле входа стояла деревянная скамейка, на которой крепким сном спал мужчина в потрепанной одежде. Он тяжело дышал и прижимал к себе старенькую сумку, из которой виднелся пакет с бумагами. Савант подумал, что, возможно, мужчина работает в курьерской службе. На более respectable работу его бы ни за что на свете не приняли в таком виде.

Проходя мимо, Кристофер нахмурился от едкого запаха грязи, но ничего не сказал. Леонард заметил и усмехнулся. К подобному можно привыкнуть. На Земле-3 люди работали не покладая рук, совершенно забывая о самых элементарных нуждах. Савант мог поспорить, что и жилия у мужчины нет. Поэтому и спит на скамейке в рабочем районе, где никто не потревожит.

Поднявшись на второй этаж, следователи и Леонард остановились возле старой двери, которая еле держалась на петлях. Из недр квартиры слышался плач ребенка. Мужчины обменялись взглядами, и Бен постучал. Плач на мгновение стих, послышались тяжелые шаги. Когда дверь распахнулась, перед следователями появилась женщина с полностью седой головой. Она была худой, почти костлявой, но глаза светились ярким синим цветом. Леонард подумал, что у людей с такими глазами, наверное, до последнего мгновения жизни разум остается чистым и ясным, как в молодости. А еще в глазах женщины читалась стойкость. Савант испытал что-то вроде симпатии к этой бедной, наказанной жестокими обстоятельствами, женщине. Сам Леонард не питал иллюзий по поводу старости. Врачи много лет неустанно повторяют, что неполноценные не живут долго.

– Вы из полиции, – произнесла женщина и отошла в сторону, пропуская мужчин. – Вижу по лицам, что не поздороваться зашли. А ты кто? – мать жертвы остановила Леонарда рукой, заставляя того отодвинуться. Он уловил еле заметный запах мыла и заставил себя смотреть прямо в яркие глаза.

– Меня зовут Леонард Савант, я помощник следователей в деле убийства вашей дочери, – спокойно ответил Леонард. Женщина несколько секунд внимательно разглядывала его лицо, а потом, словно сдавшись, пропустила в квартиру.

– Не нравятся мне все эти эксперты, помощники и далее по списку. Предпочитаю, чтобы приходили официально уполномоченные лица, – пояснила она. – Меня зовут Ридда, а там, в комнате, ревет Джон. Мне пришлось сказать ему все как есть. Завтра нужно похоронить его мать. Никак не могу успокоить мальчишку. Я, к сожалению, не отличаюсь умением ладить с детьми.

– Я смогу успокоить его, – вдруг сказал Савант. – Если вы, конечно, не против, – он и сам не знал, чем руководствовался, когда вызвался. Ридда окинула его подозрительным взглядом, но махнула рукой в сторону комнаты, словно решив, что хуже не станет. Леонард посмотрел на Бена, и тот кивнул.

– Иди, присоединишься позже, – произнес следователь. Леонард неспешно отделился от коллег, направляясь к сыну жертвы. Когда он почти достиг двери в комнату, до него дошла фраза Ридды, провожающей следователей вглубь квартиры.

– Проходите дальше. Я знаю, что сейчас начнется. Куча вопросов о дочери. Но ничего стоящего, к сожалению, я не сообщу.

Савант зашел в комнату, открыв скрипучую дверь. На одно мгновение плач стих, а потом возобновился с новой силой. Леонард остановился на пороге, осматривая комнату и чувствуя, как сердце сжимается. На стенах наклеены серые обои, а пол довольно грязный. Но возле стены стоял шкаф, забитый книгами и журналами. На полках не было пыли, словно каждый экземпляр постоянно использовался по назначению. Этот шкаф напомнил Леонарду собственную старую комнату. Там, правда, не было полок, и книги лежали на полу, аккуратно сложенные в стопки. Но общая атмосфера серости считывалась с легкостью. Это семья бедняков.

Напротив шкафа располагалась кровать, на которой и распластался источник плача.

– Эй, привет, Джон, – ровно произнес Леонард и медленно подошел ближе. Худой мальчишка лет десяти никак не отреагировал на Саванта, продолжая утыкаться лицом в тонкую подушку, кажется, полностью промокшую от слез. – Я здесь, чтобы помочь тебе.

У Саванта мало опыта общения с детьми. Но он легко чувствовал настроение и эмоции людей, и это могло помочь в нелегком деле успокоения ребенка. Во всяком случае, Леонард очень надеялся.

Плач на мгновение стих, и мальчишка приподнял голову, чтобы посмотреть на говорившего. Внимательно осмотрев Саванта с ног до головы, мальчик шмыгнул носом и поменял положение, облокотившись о стену. Он уселся и обнял мокрую подушку руками, прижимая к себе. От долгого плача раскраснелось и припухло лицо.

– Вы вернете маму? – тихо поинтересовался Джон, и Леонард застыл. Наивный и такой простой вопрос. Несколько секунд он молчал, а потом, покачив головой, ответил честно.

– Никто и ничто не вернет тебе маму, Джон.

Наступила тишина. Леонард продолжал стоять, смотря на Джона, отмечая, что у него такие же яркие глаза, как у бабушки. Джон, закусив губу и прижимая подушку с такой силой, что побелели костяшки пальцев, старательно пытался не зареветь.

– Тогда вы ничем не можете мне помочь, сэр, – тихо проговорил мальчик и отвел взгляд в сторону.

Леонард, обдумывая дальнейшие слова, молчал, а потом присел на жесткую кровать. Раздался скрип, отвлекая Джона от созерцания книжного шкафа.

– Да, твоя мама умерла, – аккуратно начал Савант, – но ее убийца не найден, а это значит, что я могу тебе помочь.

– Вы полицейский? – в голосе мальчика появилась заинтересованность.

– Нет, но я работаю с полицейскими, расследующими дело, – честно ответил Леонард. Ему трудно смотреть на Джона из-за вспыхивающих в голове воспоминаний из собственного детства. В день смерти матери к нему приходил человек, и он тоже пытался быть добрым и чутким к осиротевшему молодому человеку. Савант помнил, что тогда ему не нужна была жалость. Тогда было нужно сострадание и честность. – Видишь ли, Джон, я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь и какие эмоции испытываешь.

– Да что вы говорите, – в словах мальчишки появился яд, но Леонард не отреагировал. Злость – часть вихря эмоций от утраты родного человека. Поэтому Савант кивнул.

– Моя мать погибла пять лет назад. Я был старше, и мне было легче смириться с этой мыслью. Хотя сравнивать боль от потери близких людей кажется неуместным.

Джон не ответил и снова отвел взгляд. Леонард продолжил речь.

– Тогда меня мало волновало хоть что-то, я цеплялся за реальность, пытаюсь не утонуть в море сожалений. Мне казалось, я слишком редко говорил, что люблю ее или что ценю все, что она делает. Что я благодарен за шанс быть ее сыном, и что горд, что именно она – моя мать, – с грустью выговорил Леонард. Ему не приходилось вспоминать. Все эмоции пятилетней давности застыли в сердце, не померкнув с годами.

– Вы не один такой, – вымолвил Джон, и Савант мысленно поразился, насколько повзрослому прозвучала фраза из уст мальчика.

– Да, подозреваю, что так и есть, – кивнул Леонард. – Людям кажется, что время для подобных слов всегда есть и будет. Но когда что-то ужасное случается, они жалеют о том, чего не сказали.

Слезы на щеках Джона высохли, краснота медленно проходила. Мальчик хмурил брови, все еще цепляясь за подушку, словно пытаясь сдержать чувства.

– Послушай, ты молод, и сможешь выбрать любую дорогу. У тебя есть бабушка, которая, я, больше, чем уверен, не даст свернуть с намеченного пути...

– Моя бабушка раньше была начальницей в местной аптеке, – вставил Джон.

– То, что она бывшая начальница – это заметно, – ухмыльнулся Савант, и мальчишка впервые за весь разговор слабо улыбнулся.

– Она строгая, но справедливая.

– И она – твоя семья. А семья – это сила, понимаешь? – продолжил Леонард. Он и сам не знал, откуда берутся правильные слова. Но, глядя на приходящего в себя мальчишку, Савант понимал, что все делает верно. – Разве можно лежать, уткнувшись в подушку, и плакать, когда

рядом есть близкий человек? Бабушка немолода, и ей также больно, как тебе. Но ты должен позаботиться о ней. Так же, как она заботится о тебе.

– Да, – отважно кивнул Джон и, отбросив мокрую подушку в сторону. Во взгляде появилось что-то похожее на решимость, – бабушка страдает. И ей нужна помощь, – вздохнув непослушные волосы, мальчишка встал с кровати. – Пойдемте, сэр, если бабуля увидит меня в нормальном состоянии, то и сама приободрится.

Леонард кивнул и направился вслед за решительно шагающим к двери мальчишкой. Тот остановился, когда открыл дверь. Он раздумывал пару секунд, прежде чем обратиться к Саванту.

– Вы и вправду сможете найти того, кто отнял у нас маму? – тихо спросил Джон, глядя Леонарду в глаза. Савант кивнул.

– Я сделаю все возможное.

– Я верю вам.

И, развернувшись, Джон прошествовал в другую комнату, где тихо беседовали следователи и Ридда. Леонард шел следом за мальчиком и успел увидеть на лице женщины толику удивления и гордости, когда Джон подошел и поинтересовался, нужно ли что-нибудь сделать на кухне.

– Будет хорошо, если бы ты заваришь чай, – промолвила Ридда, не отрывая пораженного взгляда от внука.

Когда мальчишка скрылся из комнаты, все три пары глаз уставились на Леонарда. В глазах Бенджамина появилась искра тепла, а Кристофер был явно обескуражен.

– Вы успокоили его! Он выглядит таким собранным и сильным, – взволнованно вымолвила Ридда, – но как? Как у вас получилось?

– Мы просто поговорили, – пожал плечами Леонард и присел рядом с Райсом. – Ваш внук сильный. Пройдет время, и он справится с горем.

Снова наступила тишина. Ридда, не отрываясь, всматривалась в лицо Саванта, заставляя чувствовать себя не в своей тарелке. У женщины тяжелый взгляд. Казалось, она с легкостью может видеть то, чего не видят другие.

– Прошу прощения, – заговорил Бенджамин, женщина тут же отвлеклась, и у Леонарда чуть не вырвался вздох облегчения, – вы говорили, что помимо пекарни ваша дочь подрабатывала в курьерской службе?

– Да, именно. Она разносила выпечку по ближайшим кафе. Знаете, для нас это было значительной суммой. Тем вечером у дочери был только один заказ – в кафе, что на выезде из рабочего района, – четко выговорила Ридда, смотря исключительно на следователя. От ее слов Савант ощутил тревогу. В том самом кафе они вместе с Райсами и Бенджамином ужинали, когда узнали об убийстве. Не слишком ли много совпадений? К тому же в голове Леонарда вспыхнуло воспоминание о безумном мужчине в уборной. Он твердил что-то о гнилье и цветах... О красных маках!

Леонард напрягся, старательно воспроизводя в памяти момент. Он помнил все досконально: отвратительные зеленые стены, тусклый свет, встревоженное лицо мужчины.

– На этом все, извините за беспокойство, Ридда. И мы соболезнуем вашей утрате, – выговорил Бен, поднимаясь с места. Ридда больше не выглядела серьезной и решительно настроенной, как при первой встрече. После разговора о дочери она выглядела так, как и должен выглядеть человек, потерявший близкого – Ридда была растерянной и опечаленной. Когда входная дверь уже была открыта, и Крис с Беном вышли, женщина ухватила Леонарда за предплечье, заставив остановиться. Он вопросительно посмотрел на нее, в очередной раз поражаясь яркости.

– Ты не такой, как все остальные, не так ли? – тихо спросила Ридда. Кажется, вопроса не услышали даже следователи, удивленно смотря на представившуюся сцену. Савант пожал плечами.

– Смотри, что именно вы имеете в виду.

– Я не говорю об особенной медицинской книжке, молодой человек. Не смотри так удивленно, я всю жизнь работала, облегчая больным людям жизнь, – усмехнулась Ридда. Дыхание Леонарда сбилось, он приоткрыл рот, чтобы хоть что-то ответить, но так и не сказал ни слова. Очень редко люди замечали в нем неполноценного и то, что для Ридды это не стало секретом, удивительно. – Я говорю об этом, – она положила худую ладонь на грудь Саванта, – у тебя доброе сердце, полное милосердия. Когда-нибудь именно это спасет тебя или же обречет на смерть.

На этих словах Ридда убрала от Леонарда руки, показывая, что он волен идти.

– До свидания, Ридда, – произнес Бен, но женщина покачала головой.

– Нет, прощайте. Я надеюсь, что больше не будет повода встретиться, – произнесла Ридда и закрыла дверь. Несколько мгновений мужчины помолчали.

– Что она сказала, Савант? – поинтересовался Кристофер, спускаясь по лестнице рядом с Леонардом. Тот еще был под впечатлением от разговора с Риддой и только покачал головой, как бы говоря, что не собирается ничего объяснять. Райс хмыкнул и прибавил шагу, догоняя Бенджамина.

По дороге в участок Леонард молчал. Обдумывал произошедшее, припоминая каждую деталь. Полупустая комната мальчика, шкаф, забитый книгами, твердая кровать и грязь на полу. Свет – тусклый, навевающий тоску и раздумья. Сам Джон – совсем маленький, но уже познавший тяжесть от утраты родного человека. И то, как мальчишка отважно держал себя в руках, понимая, что теперь они с бабушкой остались одни.

Для Саванта это в новинку. Хотя бы потому, что после смерти матери у него никого не осталось. Отца он не знал, а других родственников не существовало.

После гибели матери Леонард приходил в себя медленно, хоть это и не было заметно окружающим. Он искал и, в конце концов, нашел работу, чтобы зарабатывать на еду и элементарные нужды. Следил за судом над водителем, который погубил мать. Продолжал изучать психологию и штудировать книги по психотерапии. Спал, ел, учился и работал. И так по кругу. Но внутри все время разрывалось стекло, вонзаясь мелкими осколками в органы, особенно сильно задевая сердце. Оно болело, разрывалось на части, и Леонард не знал, как с этим справиться. Помогло время. Однажды, спустя год или чуть больше, он проснулся и не ощутил привычной боли. Она стихла. Ах, если бы и воспоминания могли утихнуть! Вся память была настолько громкой и ясной, что иногда заставляла ощущать невыносимую головную боль. Вот и сейчас, обнаружив параллели между Джоном и собой, Савант никак не мог унять нарастающую мигрень.

– Что-то ты плохо выглядишь, Савант, – подметил Кристофер, когда они вернулись в полицейский участок. И хоть в голосе не было и толики сожаления, Леонард удивился, что тот вообще заметил. Бенджамин посмотрел на Саванта. Через несколько секунд покачал головой и отвернулся.

– Тебе стоит пойти домой и отдохнуть, Леонард, – произнес следователь. Савант кивнул и, махнув рукой, медленно поплелся в сторону дома. Леонарду действительно нехорошо. Казалось, голова вот-вот взорвется от наплывших воспоминаний и эмоций. Сжав губы в тонкую линию, Савант старательно пытался не думать.

Придя домой, скинул обувь и, не раздеваясь, упал на кровать и уснул.

Когда Леонард проснулся, за окном стемнело. Шел мелкий дождь, но ветер завывал громко. Наверно, именно из-за шума Леонард и проснулся. Приняв прохладный душ, Савант посмотрел на часы. Почти десять. Если он собирается успеть на встречу с Темпл, то стоит

поторопиться. Одевшись, Леонард выскользнул из квартиры, накидывая капюшон, чтобы спрятаться от дождя.

На душе стало спокойно, головная боль ушла, оставляя гнетущую пустоту. Стараясь не думать ни о чем, Савант доехал до центра города и пошел к назначенному месту встречи. В центре довольно светло – везде исправно горят фонари, освещая ночные улицы и делая их намного привлекательнее, чем в тусклом свете осеннего солнца.

Когда Леонард почти дошел до цветочного магазина, телефон зазвонил. Остановившись, он достал мобильник и уставился на неизвестный номер. Трель телефона не умолкала, и Савант принял вызов.

– Слушаю, – ровно произнес Леонард, готовясь к тому, что это будет кто-то из персонала Миддл-Таун. Его частенько вызывали на ночные смены. Вот и сейчас Савант ждал именно этого. Но он ошибся. Из динамика послышался хриплый и срывающийся голос Темпл Райс.

– Леонард, – еле выговорила девушка, заставляя себя произносить слова, – мне нужна твоя помощь. Я... Я...

– Темпл? Что случилось? – Савант и сам не заметил, как сильнее вцепился в трубку. Кажется, Темпл готова вот-вот разрыдаться, и это не на шутку взволновало Леонарда.

– Я в переулке рядом с цветочным магазином. Пожалуйста, приходи скорей! – проговорила Темпл и отключилась. Несколько секунд Савант смотрел на погасший экран телефона, а потом рванул к месту встречи. Он чувствовал себя странно – ему стало страшно. Но не за себя, а за Темпл. Что произошло, раз девушка оказалась в столь ужасном состоянии?

Оказавшись возле цветочного, Савант прекратил бег и направился к переулку. Подойдя ближе, услышал всхлипывания. В переулке темно, но две детали выделялись из общего мрака: серебристые волосы Темпл и белая простыня, на которой лежало тело незнакомой женщины. На намокшей под дождем простыне и обнаженном теле жертвы ярким пятном выделялись красные маки.

В мгновение ока Леонард оказался рядом с Темпл и, приобняв за плечи, отвел в сторону. Тело девушки сотрясилось от истерики, она пыталась что-то сказать, но вместо этого изо рта вырывались несвязанные рыдания.

– Темпл... Темпл! – четко проговорил Савант, останавливаясь на освещенной улице. Он встал напротив девушки, держа за плечи, пытаясь помочь прийти в себя. – Послушай, сейчас я позвоню в участок и вызову полицейских, включая Бенджамина и твоего брата, ясно? И пока они не приедут, я буду рядом с тобой. Никто не сделает тебе больно, все будет хорошо. Ты в безопасности.

Голова Темпл качнулась, и она попыталась поднять взгляд на Саванта. Получилось с трудом. Леонард почувствовал боль от того, сколько в зеленых глазах страха. Темпл насмерть напугана и явно пребывает в ступоре от увиденного.

Леонард достал телефон и набрал номер Кристофера, посчитав, что Райс первым должен услышать о произошедшем. Наверняка они с Беном еще в участке. В любом случае именно сестра Райса нашла новую жертву, автоматически становясь свидетелем по делу.

– Савант? Чего надо? – взяв трубку, грубо поинтересовался Кристофер. Если бы обстоятельства были другими, то Леонард обязательно сказал бы что-нибудь язвительное в ответ. Но сейчас в его руках трясась от страха невинная девушка.

– Темпл нашла труп, – четко проговорил Савант, ощущая, как на том конце провода напрягся Кристофер. – Приезжайте к цветочному вместе с Бенджамином и экспертами, это новая жертва маньяка.

– Едем, – выпалил Кристофер, а потом, с секунду подумав, добавил, – будь рядом с ней, не оставляй одну.

Савант отключился, расстегнул куртку и убрал телефон в карман джинсов. Темпл вцепилась в свитер Леонарда, словно боясь, что если отпустит, то случится ужасное.

– Темпл. Ты меня слышишь? – начал Савант, пытаясь достучаться до испуганной девушки. Она легко кивнула, показывая, что в состоянии реагировать на вопросы. Это неплохо. Леонард продолжил. – Тебе нужно прийти в себя. Я понимаю, что страшно. Я все понимаю. Но ты должна быть сильной.

Девушка молчала, отчаянно пытаясь прийти в себя. Ее колотила дрожь, плащ промок насквозь, поэтому Савант аккуратно снял свою еще не намокшую куртку и накинул на плечи Темпл. Она благодарно посмотрела в ответ.

– Я видела ее сегодня, – вдруг вымолвила Темпл. Потом она сглотнула ком в горле и продолжила. – Я узнала эту девушку. Она заходила в лавку рано утром, чтобы выбрать цветы.

– Цветы? – осторожно спросил Леонард, догадываясь, каким будет ответ.

– Красный маки, Леонард, – проговорила Темпл, а из глаз снова полились слезы. – Она купила охапку красных маков.

Ничего не говоря, Савант притянул к себе податливое тело Темпл, заставляя уткнуться в его свитер. Она сотрясалась от рыданий, нещадно пропитывая слезами грубую ткань. Но ему было все равно. Сквозь дождь Леонард чувствовал, что от Темпл пахнет теперь не только цветами. Теперь от нее пахло смертью.

Савант мысленно вздохнул с облегчением оттого, что жертвой была не сама Темпл.

Глава 3

Леонард никогда не видел Кристофера настолько встревоженным и не владеющим собой. Как только подъехали полицейские, и машина Бена остановилась возле обмытого дождем тротуара, Райс выскочил и бегом направился к Саванту и Темпл. Девушка цеплялась за Леонарда так, будто боялась, что если отпустит, то произойдет что-то ужасное. Чужая куртка больше не спасала от холода. Темпл насквозь промокла от усилившегося дождя. Леонард и сам был весь мокрый, но не жаловался. Он понимал, что должен оставаться сильным ради Темпл.

Когда Кристофер оказался близко, Леонард попытался отодвинуться от девушки, но она не позволила, с неизвестно откуда взявшейся силой, заставляя оставаться на месте. Впрочем, конкретно сейчас Райсу было плевать на Саванта. Он смотрел только на Темпл, и на лице легко угадывался страх.

– Темпл! Господи, с тобой все в порядке? – воскликнул Кристофер, окинул быстрым взглядом Леонарда и то, как девушка вцепилась в его свитер. Сам Савант в таком положении чувствовал себя неуютно. Отчасти он понимал чувства Темпл. Но ему нужно на место преступления. Именно поэтому Леонард аккуратно положил ладони на руки Темпл и заставил разжать кулаки. Девушка посмотрела тусклым, затуманенным взглядом, но позволила Саванту освободиться из хватки. Руки у Темпл заledenели, и Леонард поежился от холода.

Из-за всего происходящего заболела голова. Перед выходом Савант заглотнул таблетки от мигрени, но, кажется, это мало помогло. В последнее время приступы набирали обороты. Стало трудно сопротивляться желанию лечь в кровать и не вставать. Леонард знал, что если поддаться порыву, то станет хуже. Поэтому он каждый день преодолевал себя. От деятельности становилось легче. И сейчас, понимая, что появилась новая порция работы, Саванту не терпелось оказаться в гуще событий. Быть может, головная боль оставит в покое.

– Она в порядке, просто в шоке, – спокойно произнес Леонард и отошел в сторону, освобождая место для Кристофера. Тот с намеком на благодарность во взгляде подошел ближе к сестре. Савант решил не мешать столь личному моменту семьи Райсов, поэтому отвернулся. – Я пойду на место преступления, останься здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.